

УДК 165

«Осевые» разногласия

Мы рассматриваем проблему эпистемических разногласий, состоящую в том, что субъекты, в том числе и эксперты, могут придерживаться противоположных мнений, не будучи способными разрешить противоречие рациональными образом. Мы делаем различие между минимальными и подлинными эпистемическими разногласиями, а также подразделяем последние на два вида: веридические разногласия в рамках фиксированной нормативной системы и «осевые» разногласия относительно выбора самой нормативной системы, зависящей от витгенштейновской «формы жизни». Разногласия первого вида анонимно разрешаемы. Разногласия второго вида фундаментальны. Их разрешение контринтуитивно, возможно не всегда и лишь на практике, в результате постепенных и длительных преобразований. Примером осевого разногласия, которое в конечном итоге нашло своё разрешение, является разногласие между Галилеем и Кардиналом Беллармином. Наш анализ основывается на употреблении понятия осевого предположения. Принципиальным является то, что статус осевых предположений может меняться. Мы также утверждаем, что эпистемология требует для решения своих проблем рассмотрения как семантических и концептуальных вопросов, так и онтологических, правильной концепции реальности и понимания связи между концептами и реальностью. На наш взгляд, правильным подходом является витгенштейновский контекстуальный реализм, согласно которому употребление концептов в контексте позволяет идентифицировать сами вещи; онтология контекстуальна и, следовательно, не предопределена. Соответственно, догматический эпистемический реализм предлагается заменить контекстуальным эпистемическим реализмом.

Письм Игорь Евгеньевич, кандидат философских наук, кандидат физико-математических наук

Введение

Опыт показывает, что существуют разногласия во мнениях, в том числе и между экспертами, которые, как кажется, не всегда могут быть разрешены рациональным путём. У нас разные вкусы, разные взгляды на этические нормы. Мы не согласны друг с другом насчёт того, существуют ли загроб-

ная жизнь и является ли та или иная политическая система приемлемой. Мы расходимся в оценках исторических событий и спорим о совершенно обычных вещах. Разногласия имеют место и в точных науках: о предпочтительной логике, о выборе системы аксиом, о правильной интерпретации физической теории.

Философские споры, длившиеся веками, красноречивый пример разногласий между экспертами: скептики противостоят анти-скептикам, реалисты идеалистам, натуралисты анти-натуралистам и так далее. Существование «неустранимых» разногласий во мнениях — один из пяти тропов Аристотеля по лагу скептического воздержания от суждений [1, 2].

Разногласия могут привести к разрушению отношений между людьми, социальными группами, народами. Они могут привести к войне. Поэтому важно понять их природу и найти возможности их рационального разрешения. К систематическому и строгому изучению этого вопроса философы приступили лишь в XXI веке (см., например, [3]).

Для реаливиста проблема разногласий не возникает, так как для него каждый прав со своей точки зрения. Такая псевдотолерантность не является, однако, подлинным решением проблемы, так как содержит в себе внутреннее противоречие. На самом деле отказ от догматизма и абсолютных «достоверностей» не требует отказа от поиска абсолютной истины, который предполагает сомнение. Некоторые эпистемические реаливисты апеллируют к Витгенштейновской эпистемологии (см. ссылки в [4, 5]), в основе которой лежит понятие «осевого предложения», то есть достоверного предложения, обосновывать которое не имеет в конечном итоге с необходимостью апеллировать к таким предложениям. В этом смысле, как выражается Дункан Притчард, она локальна [6]. Примерами осевых предложений являются предложения «Это брук», «Земля существовала задолго до моего рождения» (подробнее см. [7]).

Аргумент реаливиста имеет следующий вид [6, 8]. Поскольку для Витгенштейна всякая эпистемическая рациональность локальна, то есть предполагает употребление «осевых предложений»,

которые не имеют смысла обосновывать, между фундаментально отличными эпистемическими системами, содержащими различные осевые предложения в качестве фундаментальных эпистемических принципов или норм, невозможно сделать рациональный выбор. Соответственно, может оказаться, что одно и то же эпистемическое суждение, например, «Субъект S знает (или имеет обоснованное мнение), что р», оценивается противоположным образом (и как истинное, и как ложное), в зависимости от выбора эпистемической системы. При этом рациональным образом невозможно отдать предпочтение той или иной его оценке.

Реаливистскую позицию занимает, например, Ричард Рорти [9]. Для него всякое обоснование относится к некоторой «эпистемической системе», и ничего кроме этого не может быть сказано.

Ниже мы предлагаем анти-реаливистский подход к проблеме эпистемического разногласия в рамках витгенштейновского контекстуального реализма.

Проблема разногласия с точки зрения контекстуального реализма

Предположим, что субъект S1 верит, что р, а субъект S2 верит, что не р, где р — предложение, имеющее хорошо определенное пропозициональное содержание, которое мы обозначим той же буквой «р». Это содержание может быть выражено мысленно или же при помощи высказывания в контексте, которое, согласно классическому семантическому принципу бивалентности, либо истинно, либо ложно.

В этом случае мы будем говорить о веридическом разногласии между субъектами, то есть разногласии относительно истинности или ложности одного и того же пропозиционального содержания.

Веридическое разногласие может быть рационально и однозначно разрешено. При этом резуль-

тат предопределён.

Употребляя терминологию Витгенштейна, скажем, что высказывание, выражающее мнение субъекта, что р, есть «языковая игра», предпологающая «форму жизни», вне которой оно не имеет смысла, не может быть истинным или ложным. Именно нормы (правила, или «грамматики») формы жизни, управляют относительными к ней языковыми играми, устанавливая тем самым между ними «семейное сходство».

Другими словами, веридическое разногласие между субъектами S1 и S2 предполагает, что они относятся к одной и той же форме жизни, разделяют одну и ту же нормативную систему. Такие субъекты мы назовём «экспертами».

Наиболее общее (можно сказать «фундаментальные») нормы/правила, относящиеся к «грамматике» формы жизни, суть так называемые «осевые предложения», или «достоверности», типа «У меня две руки» и «Земля существовала задолго до моего рождения».

Осевые предложения могут менять свой статус. Известная метафора Витгенштейна сравнивает их с руслом реки, которое может менять своё направление. Например, во времена Витгенштейна предложение «Никто никогда не был на Луне» было осевым предложением. В настоящее время оно является ложным эмпирическим предложением.

Языковые игры и формы жизни — суть концептуализированных фрагментов реальности. Реальность как таковая, в которой они вырабатываются и усваиваются и которая, следовательно, в известной мере их превосходит, не имеет концептуальной структуры. Витгенштейновские правила/нормы, о которых идёт речь, имплицитны или эксплицитны в языковых играх и формах жизни и, в конечном итоге, тоже усвоены в реальности. Правила (нормы, концепты), которые не имеют интимной связи с реальностью, то есть не имеют своих парадигмати-

ческих применений, суть псевдо-правила.

Высказанное означает, что мы занимаем определённую реалистическую позицию и делаем соответствующее онтологические допущения. Точнее говоря, наша позиция — витгенштейновский контекстуальный реализм [10, 11, 12]: концепты идентифицируют бытие в контексте. Онтология контекстуальна и, следовательно, не предопределяет решения своих проблем рассмотрения как семантических, концептуальных вопросов, так и онтологических, правильной концепции реальности и понимания связи между концептами и реальностью.

В рамках витгенштейновского реализма, как показано в [7], осевые предложения, будучи «витгенштейновскими правилами» (нормами), имеют логический (можно ещё сказать: семантический, или концептуальный), эпистемический и онтологический (можно ещё сказать: натуралистический) аспекты, которые могут переходить друг в друга. Соответственно, можно говорить о разных видах достоверности.

Будучи правилом/нормой, осевое предложение достоверно в логическом смысле ([7], см. также [13]). Сомневаться в правиле (норме, концептуальной схеме) не имеет смысла. В контексте осевого предложения может превратиться в знание. Будучи знанием, оно имеет эпистемическую достоверность: в известном смысле знание достоверно. Сомневаться в знании нерационально. В контексте осевого предложения может рассматриваться как парадигма, парадигматическое знание. Сомневаться в парадигме иррационально.

Выше было сказано, что осевое предложение может превратиться в ложное предложение. Оно может также превратиться в свою противоположность — логическую бессмыслицу. В среднем века предложение «Солнце вращается вокруг Земли» было осевым предложением — логической исти-

ной. В настоящее время оно рассматривается либо как ложное, либо как бессмысленное (действительно, отрицание осевого предложения «Земля вращается вокруг Солнца» бессмысленно, именно потому, что это осевое предложение).

Рассматривая вопросы эпистемологии, мы прежде всего имеем в виду эпистемическое «формы жизни», управлиемые вместе с относящимися к ним эпистемическими языковыми играми типа «Субъект S знает, что p», «Субъект S верит, что p», «Субъект S имеет обоснованное мнение, что p», «Мнение субъекта S, что p рационально» и так далее, эпистемическими нормами, к которым мы относим любые нормы, позволяющие установить истинность эпистемических предложений.

Помимо осевых предложений, существует много других эпистемических норм. К таковым, например, относятся следующие нормы: «Нельзя одновременно верить, что p, и что не p», «Если при нормальных условиях перцептивный опыт таков, что тебе кажется, что p, то *prima facie* тебе позволено верить, что p», «Если из r следует q, и рационально позволено верить, что r, то рационально позволено верить, что q». И так далее (подробнее об эпистемических нормах см. [14]).

Следствием принимаемого нами контекстуального реализма является контекстуальный эпистемический реализм. Эпистемические нормы не абсолютны, а зависят от контекста (в частности, осевые предложения зависят от формы жизни). Их применение тоже зависит от контекста (языковой игры) (см. также [15]).

В рамках одной и той же эпистемической «формы жизни», то есть с точки зрения одной и той же системы эпистемических норм, как было сказано выше, разногласие между субъектами относительно истинности или ложности их мнений может быть однозначно разрешено. Мнение, что p, либо истинно, либо ложно. Прав либо субъект S1, либо

субъект S2. Состояние деп, описываемое предложением «p», либо **дано**, либо нет. Аналогичным образом в рамках одной и той же формы жизни можно рационально разрешить споры относительно обоснованности мнения, его рациональности, знания, и так далее. Мнение субъекта, что p, либо обоснованно (рационально, является знанием), либо нет.

Субъекты, разделяющие одну и ту же форму жизни, одну и ту же нормативную систему, стоят, так сказать, на равной ноге. Выше мы назвали их экспертами.

В рамках другой формы жизни мнение, что p, может не иметь смысла, не быть **данным**, не быть оцениваемым на истинность или ложность.

Вообще, то, что мы принимаем за данное, зависит от выбора нормы (которая зависит от контекста), которая это данное идентифицирует или реализует (в контексте). Другой субъект может попросить не принять нашу норму. Соответственно, то, что для нас будет данным, не будет данным для него. В этом смысле, как отмечает Жюстин Бенуа [16], утверждение о том, что нечто дано, всегда подвержено риску неприятия, которое не может быть разрешено рациональным путём, по крайней мере, достаточно легко.

На этой почве могут возникнуть фундаментальные разногласия.

Назовём «удалёнными» экспертами субъектов, разделяющих разные нормативные системы, которые могут сосуществовать, но которые могут и сталкиваться.

Профаном назовём того, кто просто не владеет данной системой норм. Разногласие между экспертом и профаном не является подлинным разногласием. Нас интересуют лишь разногласия между экспертами.

Эксперты могут быть в большей или меньшей степени удалены друг от друга. Можно предполо-

жить, однако, что у них всегда имеется некоторый общий бэкграунд, который хотя бы даёт надежду на возможность разрешения противоречий, если они возникнут, сближения позиций или взаимопонимания. В отсутствие хотя бы минимального общего бэкграунда коммуникация, а следовательно, и разногласие, были бы невозможными, бессмысленными.

Утверждение о существовании хотя бы минимального общего бэкграунда можно обосновать по-разному.

Например, согласно Дональду Дэвидсону [17], мнения по своей природе веридические. Дэвидсоновский принцип милосердия призывает прилагать максимум усилий для рациональной интерпретации мнений — даже тех, которые на первый взгляд кажутся иррациональными или бессмысленными. Эквивалентным образом можно сказать, что мы все, будучи разумными существами, разделяем некоторую совокупность мнений, которые, как правило, оказываются истинными.

Витгенштейн выражает близкую идею, утверждая, что взаимопонимание предполагает согласие не только в определениях, но и в суждениях. Это согласие в форме жизни (быть может, достаточно общей, подразумевающей более конкретные формы жизни, между которыми нет согласия). «Правильным или неправильным является то, что люди говорят, и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а формы жизни» [18, § 241]. «Языковое взаимопонимание достигается не только согласованностью определений, но (как данний) [18, § 242]. Мимоходом заметим, что такой подход устраняет скептическую проблему.

«Удалённые», как мы их назвали, эксперты, то есть эксперты, относящиеся к разным формам жизни, могут понимать, что они принимают разные системы норм и, следовательно, говорят о разных

вещах. Тем не менее, разногласие между ними может быть именно в том, какую систему норм принять, а какую отвергнуть. Как следствие принятие разных нормативных систем, один эксперт может утверждать, что r, тогда как другой может утверждать, что q, вообще не принимая p (или не p) за данное. Здесь p — мнение.

Если один эксперт утверждает, что p, а другой — не p, где p — осевое предложение (а не мнение), их нормативные системы сталкиваются. Если эксперты не отдадут себе отчёта в том, что употребляют разные «логики», говорят о разных вещах, их спор будет более ожесточённым.

Догматик вообще не понимает, что данное зависит от выбора нормативной системы. Он деконтекстуализирует своё данное и, соответственно, свою норму, принимает их за абсолютные. Соответственно норма принимается им за единственно возможную и универсальную.

Разногласие относительно выбора нормы (осевого предложения) не является догматическим, если оно предполагает возможность постепенного изменения позиции.

Галилей и кардинал Беллармин принимали разные эпистемические системы и, соответственно, разные очевидности: первый опирался на опыт и науку, второй — на Священное писание [9, с. 328–333]. Оба, однако, полагали, что их разногласие относится к одному и тому же пропозициональному содержанию. Земля движется вокруг Солнца (а не наоборот). Кардинал Беллармин, по-видимому, в значительной мере ещё приписывал этому предложению нормативный («осевой»), а не эмпирический статус. Это пример столкновения форм жизни. Это спор относительно того, какую нормативную систему следует принять, а от какой отказаться — спор об осевых предложениях, или достоверностях.

Не имеет смысла рационально спорить о вы-

боре нормативной системы постольку, поскольку речь идёт именно о нормативной системе, то есть системе, имеющей логический статус.

Некоторые авторы утверждают, что разноголосица между экспертами, которые нельзя развести рациональным путём, мотивируют релятивизм: Галилей прав со своей точки зрения, а кардинал Беллармин со своей. Релятивист призывает отказаться от спора. Он отвергает существование более глубокой точки зрения (стандарта), позволяющего сделать выбор между точками зрения. Другие авторы утверждают, что само наличие спора указывает на то, что речь идёт о поиске истины. Если бы релятивизм был верен, спор бы не возник (критику релятивизма см., например, в [19, 8, 20]).

Выше мы, однако, сказали, что нормативные предложения могут менять свой статус. Они могут превращаться в истинные или ложные мнения (и наоборот), в том числе и благодаря рациональным аргументам. В этом смысле рациональное разделение спора о достоверности в принципе возможно.

Такое превращение, однако, может быть лишь постепенным и предполагает выработку некоторой супер-нормы (более глубокой нормы), позволяющей сделать выбор между исходными нормами.

В этом же духе, например, рассуждает Пritchard [6, 21]. Для него осевые предложения подвержены рациональным аргументам косвенно. Отталкиваясь от общего бэкграунда и постепенно воздействуя на холистическую систему мнений, в фундаменте которой лежат те или иные осевые предложения, в результате рационального обмена аргументами можно сделать выбор между осевыми предложениями, различными, поначалу несаизмеримыми, эпистемическими системами. Пritchard апеллирует к упомянутому выше девиантовскому замечанию о веридическом характере

мнений, а также применяет введённое им понятие супер-осевого предложения (нем. «überlinige»), которое, согласно ему, выражается любым осевым предложением: супер-осевое предложение — это предложение, что мы не можем радикально ошибаться в наших мнениях [6, 21].

Замечание

Это анти-эпистемическая позиция, которая, однако, не традиционна, поскольку она не пытаясь опровергнуть скептицизм рационального путём утверждения существования глобальной рациональной оценки. Понятие осевого предложения указывает на то, что глобальная оценка невозможна, так как любая оценка предполагает применение осевых предложений, которые остаются неизменными [21]. Можно, однако, говорить об обобщении понятия рациональности, или же о правильном понимании рациональности, при котором сами осевые предложения рассматриваются как рациональные.

Для Витгенштейна, осевые предложения — это тот «фундамент», который «поддерживается всем знанием» [22, § 246]. Именно потому, что осевые предложения в рамках формы жизни имеют логический статус, постепенное и последовательное изменение при помощи рациональных аргументов холистической совокупности её мнений, может привести к изменению осевых предложений.

Таким образом, даже в споре о достоверности рациональное переубеждение в принципе возможно. Несосизмеримость эпистемических систем оказывается временной, а не принципиальной. Системы, в конечном итоге, могут оказаться соизмеримыми.

При этом, с точки зрения контекстуального референца результат не предопределён. К этому же выводу приходят и Мартин Куш. Он приводит пример спора между Бойлем и Гоббсом относительно

существования вакуума. Победу в споре одержал Бойль. Но, согласно Кушу, при другом стечении обстоятельств её мог бы одержать и Гоббс. Куш называет свою позицию «контингентным релятивизмом»: в перспективе эпистемический спор разрешился, но его разрешение не предопределено [23].

Возвращаясь к метафоре Витгенштейна, изменение русла реки не предопределено, во всяком случае оно предопределено не полностью. В новом непредвиденном контексте может быть идентифицирована новая реальность.

Аналогичным образом можно сказать, что при другом стечении обстоятельств, система Птолемея могла бы одержать победу. В этом случае наши представления о мире, концептуальные схемы, наука были бы совсем другими.

В частности, мы согласны с Кушем [5], который, в отличие от Коппы [4], не считает следующее контрафактуальное утверждение истинным: «Если бы Птолемею представили очевидность, которой мы располагаем, он бы согласился с возможностью полёта на Луну». Дело в том, что в ближайшем возможном мире, в котором Птолемею представили нашу очевидность, он ещё не обладает знаниями в области современных физики, астрономии и математики, чтобы её понять и оценить. Поскольку очевидность, критерии обоснования и знание тесно переплетены, он отвергнет нашу очевидность как непонятную и абсурдную.

Итак, подлинное фундаментальное различие, при котором спорящие стороны рационально остаются при своих убеждениях, так как нет аргументов, которые могли бы эти мнения поколебать, — это разногласие между различными логиками, каждая из которых имеет известное право на существование. Такое разногласие не имеет предопределённого разрешения. Если оно и может быть в принципе разрешено, то, как сказано выше, контингентным образом.

тингентным образом.

Примерами таких разногласий между экспертами, принимающими различные осевые предложения, которые не есть веридические разногласия между мнениями, являются разногласия между верующими и атеистом (пример Пritchard [21, 24]), разногласие между Бойлем и Гоббсом (пример Куша [23]), разногласие между Галилеем и кардиналом Беллармином (пример Поля Богослана [19]), Мартина Куша, Дункана Пritcharda и других) и другие.

Осевые предложения — нерациональные мнения. Первые имеют логический статус, не требуют своего рационального обоснования, самоточевидны, деконтекстуализированы. Вторые располагаются в рамках нормативной системы (формы жизни), корректируемы, имеют эпистемический статус, требуют своего рационального обоснования (например, фанатичная убеждённость не есть мнение), вообще говоря непрозрачны (субъект может ошибаться в том, верит он, что р, или нет). Сходство между теми и другими в том, что и те, и другие предполагают наличие убеждённости. Например, простое принятие протопозициональной установки, что р (допущение, гипотеза и так далее), не есть мнение, которое могло бы рассматриваться при анализе проблемы разногласия (см. также [21]). Веридические разногласия, следовательно, также следуют также отличать от мнимых разногласий, когда мнение является псевдомнением, то есть не удовлетворяет перечисленным условиям, или если разногласие не является искренним. К мнимым разногласиям также относятся контекстуальные «разногласия», подразумевающие различные стандарты употребления терминов.

Сказанное выше означает, что существование разногласий не противоречит требованию интеллектуальной скромности [25]. На самом деле каждый должен искренне и аргументированно от-

стигивать свою точку зрения до тех пор, пока это возможно (см. также [26]). Лишь при этом условии появляется надежда, что в перспективе, в результате взаимодействия форм жизни, нормативных систем (контингентное) разрешены разногласия возможно. Истина рождается в споре.

Заключение

Мы рассмотрели проблему эпистемических разногласий, состоящую в том, что субъекты, в том числе и эксперты, могут придерживаться противоположных мнений, не будучи способными разрешить противоречие рациональным образом.

Мы сделали различие между мнимыми и подлинными эпистемическими разногласиями, а также подразделили последние на два вида: веридические разногласия в рамках фиксированной нормативной системы и «осевые» разногласия от-носительно выбора самой нормативной системы, зависящей от витгенштейновской «формы жизни». Мы утверждаем, что разногласия первого вида однозначно разрешимы. Разногласия второго вида фундаментальны. Их разрешение контингентно, возможно не всегда и лишь на практике, в результате постепенных и длительных преобразований.

Мы также утверждаем, что эпистемология будет для решения своих проблем рассмотрена как семантический и концептуальных вопросов, так и онтологических, правилной концепции реальности и понимания связи между концепциями и реальностью. На наш взгляд, правильным подходом является витгенштейновский контекстуальный реализм, согласно которому употребление кон-цептов в контексте позволяет идентифицировать сами вещи; онтология контекстуальна и, следова-тельно, не предопределена. Соответственно, дог-матический эпистемический реализм предлага-ется заменить контекстуальным эпистемическим реализмом.

Примечания

1. Yorit K. Ancient Skepticism. The Stanford Encyclope-
dia of Philosophy, 2014 (Электронный ресурс). URL:
[https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/
skeptism-ancient/](https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/
skeptism-ancient/) (дата обращения: 16.07.2018).

2. Adam Carter J. Archimedean Metaphors. Fortifeso-
m in Topoi. Special Issue on Disagreement: Perspectives
from Argumentation Theory and Epistemology / P. Bardi,
D. Godean (eds.) [Электронный ресурс]. URL: [https://
www.jadamsarter.com/essays/](https://
www.jadamsarter.com/essays/) (дата
обращения:
16.07.2018).

3. The Epistemology of Disagreement. New Essays / D.
Srinivasan, J. Lackey (eds.). Oxford, New York: Oxford
University Press, 2013; Frances B. Disagreement. London:
Routly, 2014.

4. Soliva A. Was Wittgenstein an Epistemic Relativist?
// Philosophical Investigations. 2010. № 33 (1). Pp. 1–23.

5. Kusch M. Annalisa Soliva on Wittgenstein and
Epistemic Relativism // Philosophia. 2013. № 41 (1). Pp.
37–49.

6. Pritchard D. H. Epistemic Relativism. Epistemic
Incommensurability and Wittgensteinian Epistemology /
S. Niles (ed.). Oxford: Blackwell, 2011. Pp. 266–285.

7. Пись И. Е. Витгенштейн о достоверности, зна-
нии и осевых предположениях. LAP Lambert Academic
Publishing, 2017. 144 с.

8. Adam Carter J. Metarealist Epistemology and Relativism.
London: Palgrave Macmillan, 2016.

9. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature.
Princeton: Princeton university press, 1979.

10. Vepoist J. L'adresse du réel. Paris: Vrin, 2017.

11. Pils F.-I. Le fossé explicite dans la philosophie
de l'esprit du point de vue de la deuxième philosophie
de Wittgenstein vue comme un naturalisme normative.
Diffusion ANRT, 2008.

12. Vepoist J. Éléments de Philosophie Réaliste. Réfé-
lexions sur ce que l'on a. Paris: Vrin, 2011.

13. Soliva A. Extended Rationality: A Hinge Epistemo-
logy. London: Palgrave Macmillan, 2015.

14. Engel P. Epistemic norms and rationality / W.
Strawinski (ed.). Amsterdam: Springer, 2007.

15. Williams M. Why (Wittgensteinian) Contextualism
Is Not Relativism // Episteme. 2007. 4. Pp. 93–114.

16. Vepoist J. Ce qui est donné et ce qui ne l'est pas
// Séminaire de Francis Wolff (Le 16 octobre 2017). ENS
Savois (Электронный ресурс). URL: [http://savois.ens-
fr/lexose.php?id=3166](http://savois.ens-
fr/lexose.php?id=3166) (дата обращения: 16.07.2018).

17. Davidson D. A Coherence Theory of Truth and
Knowledge / Nergish D. (ed.) // Stuttgart: Klein-Cotta,
1983.

18. Витгенштейн Л. Философские исследования
[Электронный ресурс]. URL: [http://philosof.historic.ru/
books/item/100/1500/20000273/index.shtml](http://philosof.historic.ru/
books/item/100/1500/20000273/index.shtml) (дата обра-
щения: 16.07.2018).

19. Vogtrossian P. Fear of Knowledge: Against Relati-
vism and Constructivism. Oxford University Press, 2006.

20. Ниндлуото И. Критические замечания о югни-
тивном религиозии // Вопросы философии. 2015. №
1. С. 40–44.

21. Pritchard D. Disagreements, of belief and otherwise
/ C. Johnson (ed.). Voicing Dissent, Routledge, 2018.

22. Wittgenstein L. On Certainty. Oxford: Blackwell,
1969.

23. Kusch M. De-idealizing Disagreement, Rethinking
Relativism // International Journal of Philosophical Studies.
2018. № 26 (1). Pp. 40–71.

24. Pritchard D. H. Wittgenstein on Faith and Reason:
The Influence of Newman / M. Szatkowski (ed.). Berlin:
Walter de Gruyter, 2015. Pp. 141–164.

25. Whitcomb D., Battaly H., Baehr J., Howard-
Snyder D. Intellectual Humility: Owning our Limitations //
Philosophy and Phenomenological Research. 2017. № 94
(3). Pp. 509–539.

26. Voicing Dissent: The Ethics and Epistemology of
Making Disagreement Public / C. R. Johnson (ed.). Rout-
ledge, 2018.